

Дорогой папа!

На это письмо я не жду твоего ответа. В этом письме то, о чем я с тобой когда-то говорила, или не успела поговорить, или, может быть, просто подумала, но не сказала.

Я - это то, что под твоим влиянием превратилось из маленькой девочки во взрослого человека.

Ты вселял в меня жизнелюбие и стойкость, когда, держа горячую ручку пятилетней дочки, рассказывал истории про межпланетные путешествия, которые ты придумывал здесь же на месте. А я с большим вниманием слушала тебя, подавляя пневмонический кашель, и старалась заснуть, потому что завтра, когда проснусь, я уже буду здоровая и смогу идти гулять и играть со всеми вместе.

Ты учил меня смеяться не только над весёлым, но и грустным. И говорил, что можно шутить не только над другими людьми, но и над собой. Ты, смеясь, говорил, что вырастить одну дочь не легче, чем десять. Это правда, я была не тихим ребёнком. Твои походы к завучу школы для разговора об очередной моей проказе приобрели рутинный характер. Но ты терпеливо объяснял мне после каждого визита, что уважение к старшим, хоть и не всегда заслужено, но всегда обязательно.

Ты шутил, что у тебя нет проблем со здоровьем, они есть у твоих врачей. И, вообще, проблемы, которые ты не можешь разрешить сам, не твои проблемы. Чувство юмора подкрепляло твой оптимизм.

Ты учил меня любить людей и делать добро, не ожидая вознаграждения. У тебя было много друзей и двери твоего дома всегда были открыты для них. Ты говорил, что друзья – большое богатство, и это надо ценить. Ты мог общаться с людьми на любом уровне: от малого ребёнка до учёных мужей. Однажды я ждала тебя вечером после работы в твоей лаборатории Академии Наук. Уже все разошлись, а ты задерживался в кабинете своего начальника академика Федоренко. Уборщица наводила порядок, и я ей явно мешала. Она раздражённо спросила, кого я жду. «Лахмана.» - ответила я. «Иосифа Львовича?» - уточнила она. Я подтвердила. Она гордо воскликнула: «Я хорошо его знаю. С ним так интересно разговаривать!»

Сам того не замечая, ты учил меня трудолюбию. Когда ты садился за свой письменный стол, я с воодушевлением бралась за учебники, отвергая приглашения друзей пойти в кино. И своим интересом к литературе и поэзии я обязана тебе. А правила русской грамматики и пунктуации я выучила только благодаря тебе.

Когда я была вдали от тебя (в пионерском лагере, санатории или где-то ещё), мы всегда писали друг другу письма, и писали часто, почти каждый день. В конверт каждого твоего ответа всегда было вложено моё предыдущее письмо с исправленными тобой ошибками. Не мудрено, что я с лёгкостью справлялась со школьными диктантами и сочинениями.

Каждую весеннюю сессию ты помогал мне «сдать» экзамен по ненавистой полит-экономии. Вечером накануне экзамена мы выходили с тобой на прогулку по Университетскому проспекту. Весна, зелёные листочки, весёлые птички, и твой хорошо поставленный голос, громко вещающий основы марксизма и распугивающий влюблённых на затемнённых лавочках. Иногда, увлечшись, ты начинал говорить что-то, что явно не вписывалось в рамки предмета. Спohватившись, ты останавливался и настойчиво требовал не упоминать только что сказанное, дабы избежать неприятности. И идеи марксизма-ленинизма разносились эхом по весеннему бульвару.

Тебя любили все, даже подростки, расположение которых не всем удаётся завоевать. Когда ко мне пришли мои сверстники праздновать мой шестнадцатый день рождения, ты попытался

тихо уйти, что бы не мешать нам. Но ребята упростили тебя остаться, с тобой было интересно, ты нам не мешал.

А несколько лет назад, уже в Америке, произошёл очень забавный эпизод. Я была на музыкальном концерте в зале Бостонской филармонии с двумя своими американскими приятелями, с которыми я тогда вместе работала. После концерта мы стояли в фойе, решая разойтись ли по домам или пойти куда-нибудь поболтать, выпить по чашечке кофе. В это время с возгласом «Зиночка! Вы меня узнаете?» передо мной материализуется уже не молодая женщина и заключает меня в свои объятия. Сопротивляться бесполезно, я неуверенно подтверждаю наше знакомство и, повернувшись к своим спутникам, обращаюсь по-английски: «Let me introduce my friends – Mary and Marc.» (Разрешите представить моих друзей – Мари и Марк). Женщина, быстро сориентировавшись, перешла на английский: «Hello, I know Zina's father, I live with him in the same house.» (Я знакома с Зининым папай, мы живём с ним в одном доме.) И все бы было совсем обычно, если бы она не добавила громко и отчётливо: «I am his lover!» (Конечно, она хотела сказать, что мой папа ей очень нравится, но у неё в переводе на английский получилось «Я его любовница»). Мои друзья, зная, что папе уже девяносто, с интересом переглянулись. А женщина, видимо, решив пояснить сказанное, добавила: «We are all in our house his lovers!» (Все в нашем доме его любовницы). В глазах моих сослуживцев сверкал огромный вопросительный знак и два восклицательных.

Ты всегда был открыт для новых знаний. Математика, экономика, ещё один новый язык – тебе все было интересно. Ты познавал независимо от окружающих условий. Так например, английский язык ты начал учить на фронте только потому, что один из работников штаба охотно тебя этому учил. Когда ты приехал в Америку, мы купили тебе подписку на журнал «Новое Русское Слово», решив, что это будет для тебя доступным способом приобщиться к американской жизни. Но спустя неделю ты извиняющимся тоном попросил: «А нельзя ли мне вместо этого русского издания какую-нибудь американскую газету?» Да, ты очень хотел вписаться в новую жизнь, хоть и приехал сюда уже не молодым человеком. Ты учился в колледже (Bunker Hill College), где без труда осваивал английский язык, историю Америки, математику и даже участвовал в постановке пьесы Агаты Кристи «И никого не стало», где сыграл роль генерала МакКензи.

Твоё пребывание в колледже не обошлось без курьёзов. Ты быстрее, чем рассчитывал, набрал необходимые баллы для получения диплома. Но покидать колледж было не выгодно – там платили стипендию. Поэтому, когда декан вызвал тебя к себе и радостно сообщил, что ты уже можешь получить диплом, ты скромно, но настойчиво попросил продолжить обучение ещё на год. И твоим ответом на вопрос «Зачем?» было тихое, но отчётливое: «Я ещё не решил, кем хочу стать.» Как можно на это возразить 75 летнему молодому человеку?

По приезде в Америку ты, как человек творческий, попросил купить тебе печатную машинку. Однако, вполне охотно ринулся на изучение компьютера. И стех пор, как ты овладел современной техникой, те ночные телефонные звонки, которые я встречала испуганным возгласом «Что случилось?», всегда объяснялись каким-либо компьютерным сбоем. И ты, послушно выполняя мои инструкции, приводил свой компьютер в рабочее состояние. А других жалоб не было, ну, разве что недовольство плохой погодой.

В тебе навсегда сохранилась жизнерадостность и оптимизм маленького мальчика, продающего газеты на улицах города Дунаевцы.